

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Матлина Михаила Гершоновича на тему «Смех в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв.: типологический и функциональный аспекты», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика

М. Г. Матлин хорошо известен в кругу фольклористов как один из самых пытливых полевых и кабинетных исследователей. Он давно занимается изучением свадебной обрядности, его исследовательский «почерк» легко узнаваем. В частности М. Г. Матлин одним из первых стал изучать современные формы свадебного обряда (городские и актуальные сельские), сосредоточив внимание на современных процессах и динамике, а также на pragmatike свадебного обряда и отдельных его элементов в синхронном ключе. Эта исследовательская позиция нашла отражение и в представленном к защите труде, хотя он много шире и сложнее.

Диссертационная работа М. Г. Матлина посвящена исследованию смехового начала русской свадьбы в нескольких аспектах. Рассматривается типология смеха, его pragmatika, состав смеховых компонентов русской свадьбы. Все это помещено в широкий этнокультурный контекст, таким образом автору удается дать и синхронный, и диахронный анализ исследуемого материала. Изучение его в сопоставлении с украинским, белорусским, а также мордовским и чувашским свадебными обрядами позволяет автору сделать наблюдения еще и относительно возможных путей взаимного проникновения отдельных элементов обряда из одной традиции в другую.

Одна из поставленных автором теоретических задач – показать, что смеховое начало в свадьбе — «не один из ее компонентов, не дополнительная окраска, а онтологическое свойство самого обряда. Именно поэтому в данном исследовании анализируются свадебные обряды всех ее трех этапов, — от сватовства до поисков «ярки», в широком временном диапазоне — от публикаций конца XVIII в., впервые обозначивших наличие смехового начала в свадьбе, до полевых материалов первого десятилетия XXI в., в которых оно предстало как несомненная доминанта современной русской свадьбы, городской и сельской».

В диссертации М. Г. Матлин показывает, что смех в русской народной свадьбе (по материалам XIX — начала XXI вв.), формы его воплощения и функции в разных обрядах, театрализованных сценках, вербальных жанрах были весьма разнообразны, имеют различный генезис, развивались и менялись под воздействием множества факторов.

Цель диссертационной работы состоит в исследовании способов воплощения смехового начала в ритуальных действиях и вербальных устных и письменных текстах русской народной свадьбы XIX — начала XXI вв., а также определении того, на какой основе и в силу каких обстоятельств и причин смеховая театрализация становится фактором, определяющим развертывания обрядов и отдельных обрядовых актов, и какие при этом функции реализуются.

В ходе работы над решением этой задачи, М. Г. Матлин рассматривает несколько проявлений смехового начала на разных этапах свадьбы и разных типов смеховых ситуаций. Каждому типу (и этапу) посвящена отдельная глава. В них рассматриваются «смеховое состязание» между сторонами жениха и невесты, происходящее от сватовства до отъезда к венцу, «испытание смехом», связанное с обязанностью невесты на второй день свадьбы принести воды и поднести пол, «смех обмана и розыгрыша», проявляющийся в основном во время свадебного пира, когда устраиваются игры с ряжением; «посрамление смехом» *нечестной* невесты и ее родни, смеховое начало в игре «поиски ярки» и, наконец, отдельно рассматриваются

смеховые жанры, традиционные и современные, такие как корильные песни, приговоры дружки и письменные тексты, читаемые или передаваемые молодым в ходе свадьбы.

Даже из списка смеховых ситуаций и форм смехового поведения видно, что свадебный обрядовый комплекс пронизан ими сплошь. Автор диссертации убедительно показывает, как в ходе свадьбы меняются акценты, как одна форма смехового поведения сменяет другую, как формируются, развиваются и трансформируются элементы смеховой культуры во времени.

Важная особенность диссертации состоит в том, что автор не просто рассматривает типологию, прагматику и место смеховых элементов в свадебном обряде, но пытается увидеть закономерности их возникновения через большое количество параллелей с другими формами традиционной культуры: календарным ряжением, бесчинствами, играми, ритуальным использованием предметов и т. п. Такой подход позволяет не просто «декодировать» семантику отдельных фрагментов, мотивов, символов свадебного обряда, но и увидеть их в континууме традиционной культуры в целом.

Новизна и актуальность диссертации определяется тем, что смеховое начало как важнейший компонент русской свадьбы рассматривалось только походя, в процессе решения иных исследовательских задач. Корильные песни, приговоры дружки, свадебный обряд поиски «ярки», привлекали внимание исследователей с точки зрения поисков их своим ритуально-мифологических истоков и семантики, но не прагматики. И это при том, что еще по материалам XIX в. и до самых свежих полевых записей видно отношение и носителей, и наблюдателей к свадьбе как к большому смеховому действу (достаточно вспомнить, что в целом ряде славянских языков свадьба обозначается словом *веселье*).

К числу достоинств работы стоит отнести также богатство использованного материала. В диссертации анализируются как опубликованные (с конца XVIII до наших дней) данные, так и полевые записи из целого ряда архивов: архива Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д. Н. Садовникова УлГПУ им. И. Н. Ульянова, рукописного отдела Российского института истории искусств, архива кафедры русской литературы РПГУ им. А.И. Герцена, архива кафедры русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета, архива Сыктывкарского государственного университета, архива кафедры устного народного творчества Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, личных архивов И. А. Морозова и И. С. Слепцовой. Таким образом, в научный оборот введено значительное количество новых записей, представляющих несомненный интерес.

Список достоинств работы можно было бы продолжить, но это займет слишком много времени, поэтому перейду к замечаниям.

Первое, о чем бы хотелось сказать, – это проблема понимания смешного. Вопрос о природе смеха и тем более о критериях выделения смешного и смехового едва ли можно счесть решенным. В начале диссертации М. Г. Матлин делает обзор литературы, посвященной проблемам смеха. Однако упомянутые в работе исследования (Стеблина-Каменского, Бахтина, Абрамяна, Колпиковой и др.) в основном рассматривают функции смеха, но не его природу. Между тем в дальнейших рассуждениях автору диссертации неизбежно приходится объяснять те или иные элементы свадебного обряда смеховыми. В большинстве случаев такая – назову ее интуитивной – атрибуция не вызывает возражений, кажется понятной и оправданной, однако в некоторых случаях возникают сомнения. Так, рассматривая ситуацию сватовства (шутливые диалоги сватов и родственников потенциальной невесты), автор

говорит об этих диалогах как о смеховых, не объясняя, в чем же именно заключено смеховое начало. Приведенные примеры указывают на большую степень театрализации происходящего, но можно ли счесть театрализованное действие смеховым по умолчанию? Например, в какой степени и на каком основании смеховым объявляется хуление невесты во время сватовства (с. 49)? Любое ли инвертированное поведение, действие «не всерьез» становится смеховым и воспринимается как таковое? Описанные в начале главы критерии смехового представляются несколько упрощенными. В работе предлагается такая трихотомия: «Сознательная установка исполнителя / исполнителей на смех у окружающих, даже если они не воспринимают данное действие как смеховое (Я смешу, но Они не смеются); зрители / слушатели должны смехом реагировать на исполнителя / исполнителей, даже если для него / них действия не имеют смехового значения (Я не смешу, но Они смеются); и, в конце концов, смех обнимает одновременно исполнителя / исполнителей и зрителей / слушателей (Я смешу, и Они смеются)» (стр. 34). Реальная картина представляется несколько более сложной: смех запрограммированный и незапрограммированный должны иметь разную природу. Оценка по шкале 'смеховое – несмеховое' в большой степени зависит от позиции оценивающего (этическая vs этическая, запланированный смех vs спонтанный, реализованная установка на смех vs нереализованная и т. д.). Можно ли, например, считать надевание хомута на *нечестную* невесту или разливание воды, которую молодая несет на второй день свадьбы с колодца в дом, направленными именно на то, чтобы вызвать смех (формулы «Я смешу, и Они смеются» и «Я смешу, но Они не смеются» - в зависимости от того, кого мы понимаем под «они»), или все же смех здесь стоит рассматривать как побочный и необязательный элемент, а основное – ритуальное унижение? Должен сознаться, что у меня нет четкого ответа на эти вопросы, однако их обсуждение в работе, посвященной смеху в свадебном обряде, было бы крайне желательным.

В попытках дать интерпретацию отдельным частям свадебного обряда М.Г.Матлин использует компаративный метод, обращаясь к описаниям свадебного ритуала соседних этносов. В частности упоминаются чуваши и мордва. Представляется, однако, что сопоставление данных совершенно неадекватного объема и качества (русский материал представлен во всей полноте, мордовский и чувашский – кратко и обзорно) не дает возможности делать глубокие выводы. Это хорошо заметно в приводимом ниже пассаже:

«Важно и то, как отмечено выше, он существовал и, отчасти, существует и по сей день у финно-угорских и тюркских народов [Коршунков], в частности, мордвы и чувашей. Это, с одной стороны, свидетельствует о независимом происхождении данного обряда у каждого из этносов, но, с другой стороны, в случае совместного компактного проживания и длительных культурных контактов между ними, что, например, характерно для Ульяновского Поволжья, обуславливает возможность взаимовлияний, что важно учитывать при рассмотрении не только проблемы происхождения и развития обряда, но и взаимодействия в нем ритуально-мифологической и смеховой театрально-игровой pragmatики» (с. 67). Заимствование или независимое происхождение? При отсутствии внятного ответа на этот вопрос не следовало бы отвлекаться на подобные рассуждения.

Попытки рассмотреть смеховое начало в свадебном обряде во всей полноте – в синхронном и диахронном плане – похвальны и могут быть отмечены как важное свойство рассматриваемого диссертационного исследования. Однако время от времени автором овладевает не свойственное ему в целом желание «удревнить» и «сакрализовать» отдельные детали на основании внешнего сходства или случайных параллелей. Так, рассуждая об испытании молодой (ее заставляли утром второго дня

свадьбы принести воды в дом, при этом не давая ей этого сделать, расплескивая воду, заставляя повторять действия), автор утверждает: «В данном случае это [локализация смеха в значимом моменте обряда – А.М.] происходило в одной из сакральных точек культурного пространства — у воды, где молодая прежде чем будет включена в новую социальную общность, или «новую социальную структуру», должна была подвергаться испытанию, которое и может быть интерпретировано как испытание смехом» (с. 115). Эта же мысль развивается далее: «Сформировался и развивался данный обряд, вероятно, на основе, с одной стороны, мифологических представлений, связанных с водой и водными источниками» (с. 334). Как следует в этом контексте понимать определение *сакральный*, все более становящееся расхожим и десемантизирующееся, а главное – следует ли искать сакральное в повседневном? Едва ли возможно увидеть какие бы то ни было сакральные мотивы в восприятии воды как таковой – не почитаемого источника, не освященной воды, но обычной – из колодца, реки или родника, той, которую пьют и которой моются, моют полы, стирают. Да и поход по воду для молодухи – начало исполнения повседневных, бытовых, а не сакральных обязанностей. Традиция явно различает сакральное и профaneное при частом их внешнем сходстве.

Похожую попытку связать воедино имеющие некоторое сходство, но различающиеся принципиально явления можно видеть и в интерпретации игрового антиповедения невесты как юродства: «Дурацкое поведение молодой на поверхку оказывалось правильным. Но правильным не в бытовом, а в ином значении, который не смогли сразу понять окружающие. Однако это ведет нас не к шуту, дурацкие действиями которого не имели сокровенного значения, а скорее ...к юродивому» (с. 131). М. Г. Матлин цитирует А. М. Панченко: «В юродстве акцентируется внеэстетическая функция, смеховая оболочка скрывает дидактические цели», – однако какие дидактические цели можно видеть в подчеркнуто неправильном, рассчитанном на смех поведении невесты? В нем нет таких также других важнейших составляющих юродства: самоуничижения, попыток высказать истину в парадоксальной форме, наконец религиозной составляющей (юродство всегда Христа ради). Эти и многие другие специфические черты юродства обсуждаются в специальной литературе, в частности в работе С. А. Иванова «Блаженные похабы» (М., 2005. С. 10–23), которую М. Г. Матлин не упоминает. Сходство в данном случае опять-таки лишь кажущееся, внешнее.

Не убеждает и попытка соотнести наказание *нечестной* молодой или ее родителей посредством надевания хомута с использованием хомута в лечебных обрядах (с. 226). И здесь кажущееся сходство имеет различные форму и корни. В лечебных обрядах практикуется **продевание** через хомут (как и через дупло, расщепленный ствол дерева, печное устье и проч., что обладает семантикой прохождения через некие ворота, вторичное рождение и т. п.), в рассматриваемом же случае тоже актуализируется семантика, отверстия, дыры, но в абсолютно ином смысле, который мы видим также и в дырявом (без дна) стакане, и в проеденном в блине или яичнице отверстии.

Подобного рода утверждений, не вполне, на мой взгляд, обоснованных и доказанных, есть в работе еще некоторое количество. Все они – порождение метода анализа, в основе которого лежит поиск и привлечение параллелей в других обрядах и мифологических представлениях. Такой подход оправдан и уместен, однако требует большей осторожности и звзвешенности суждений.

Все мои замечания, впрочем, носят дискуссионный характер и нисколько не умаляют достоинств диссертации, которая по своей научной новизне, теоретической и практической значимости соответствует пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации

от 24.09.2013 № 842), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор М. Г. Матлин, бесспорно, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Официальный оппонент:
Мороз Андрей Борисович,
доктор филологических наук,
профессор департамента истории и теории литературы
факультета гуманитарных наук
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»
Почтовый адрес: 105122, Москва, Щелковское ш. 12-2-17
E-mail: abmoroz@hse.ru
+79067998398

15.12.2019

Собственноручную подпись _____ заверяю

Специалист по
кадровому делопроизводству
отдела по кадровому администрированию
Управления персонала
Берсенёва Д. С.

Сведения об официальном оппоненте
по диссертации Матлина Михаила Гершоновича «Смех в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв.: типологический и функциональный аспекты», по специальности 10.01.09 – фольклористика на соискание ученой степени доктора филологических наук

Фамилия, имя, отчество	Мороз Андрей Борисович
Ученая степень (с указанием шифра специальности)	доктор филологических наук (10.01.09 – фольклористика)
Ученое звание	доцент
Основное место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»
Сокращенное наименование организации в соответствии с уставом	НИУ ВШЭ
Полное наименование подразделения	Департамент истории и теории литературы факультета гуманитарных наук
Почтовый индекс, адрес организации, адрес электронной почты	101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, hse@hse.ru
Веб-сайт	https://www.hse.ru
Телефон	+ 7 495 771-32-32
Список основных публикаций оппонента, составляющего отзыв, за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	<p>1. Мороз А.Б. Чудо св. Николая о картошке и другие чудеса (личный религиозный опыт и формы презентации чудесного) // Живая старина, 2019, №4. С. 7–11.</p> <p>2. Белова О.В., Мороз А.Б. Народное православие на пограничье: Обряд Свеча и его версии // Фольклористика, №4, 2019. С. 6-91.</p> <p>3. Moroz A., Pigin A. Studies into the Folk Hagiography of the Russian North: Judas Koneschelsky // Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography. Vol. 15. 2019. P. 277–296.</p> <p>4. Мороз А.Б. „Отчим наш“ и „хлеб насыщенный“. Церковнославянский язык в фольклорных текстах: гlossenология или герменевтика? // Slavica slovaca. т. 53, 2018, №2. С. 157 – 163.</p> <p>5. Мороз А.Б. Традиционная культура белорусско-польского пограничья: религиозные, языковые, фольклорные факторы идентичности // Беларуское Падзінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў. Полацк, 2018. С. 150–160.</p> <p>6. Мороз А.Б. Душа грешная. Концепт души в духовных стихах // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2018. С. 358–376</p> <p>7. Мороз А.Б., Петров Н.В. О проекте «Фольклорная</p>

- карта Москвы» // Живая старина. 2018, №1. С. 38–41

8.Мороз А.Б. Зачем нужны памятники : // Живая старина. 2018, №1. С. 41–44

9.Мороз А.Б. Что и как говорят святые в народных легендах // Савремена српска фолклористика. 5, Фолклорно наслеђе Срба са Косова и Метохије у словенском контексту: зборник радова поводом Међународног научног скупа одржаног 12. и 13. октября 2017. године у Призрену и у Великој Хочи.

10.Мороз А.Б. Проект исследования традиционной культуры белорусско-русского пограничья // Савремена српска фолклористика IV. Ниш, 2017. С. 281 – 294.

11.Мороз А.Б. Выносной крест в похоронном обряде Злынковского района Брянской области // Живая старина. 2017, № 4. С. 2 – 6.

12.Мороз А.Б. «А вас, Печкин, я попрошу остаться!» Почта России в зеркале нетлора. // Городские тексты и практики. Том. 2 Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий. М., 2017. С. 119-129.

13.Мороз А.Б. Народная агиография: устные и книжные основы фольклорного культа святых. М.: Неолит, 2017. — 448 с.

14.Мороз А.Б. «Столько истории в этих стенах...»: история Глубокого через призму истории одного дома // Глубокое: память о еврейском местечке. М., 2017. С. 265-273

доктор филологических наук,
профессор департамента истории и теории литературы
НИУ ВШЭ

А.Б.Мороз

15.12.2019

Подпись заверяю

Верно:

